

С Т И В Е Н П Р О Т Е Р О

ВОСЕМЬ РЕЛИГИЙ, КОТОРЫЕ ПРАВЯТ МИРОМ

ВСЕ ОБ ИХ СОПЕРНИЧЕСТВЕ, СХОДСТВЕ И РАЗЛИЧИЯХ

الله اعلى

Даосизм религия йоруба

конфуцианство БУДДИЗМ ИУДАИЗМ

ИНДУИЗМ ХРИСТИАНСТВО

А Т Е И З М

Беликие мировые религии такие, какие они есть
на самом деле — во всех их бесславии и славе.

Стивен Протеро
Восемь религий, которые
правят миром. Все
об их соперничестве,
сходстве и различиях
Серия «Религия. История Бога»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6651051

Восемь религий, которые правят миром: Все об их соперничестве, сходстве и различиях / Стивен Протеро ; [пер. с англ. У. В. Сапциной].:

Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-64195-6

Аннотация

В этой книге представлены крупнейшие религии мира: иудаизм, христианство, ислам, индуизм, буддизм, конфуцианство, даосизм, религия йоруба, а также дополнительная глава об атеизме, такие, какие они есть на самом деле, – во всех их славе и бесславии. Вы узнаете, из чего выросли религии, покоровившие миллионы людей; что обещают человеку великие религии мира и чего они требуют взамен; какие проблемы человека реально решает та или иная религия;

что происходит на современном глобальном религиозном рынке сегодня; как религия может превратиться в одну из величайших сил зла в истории. Стивен Протеро – не только признанный специалист по религиоведению, но и мастер слова, поэтому «Восемь религий...» – это и компетентное изложение основных идей, практик и ценностей великих религий, и увлекательный остроумный рассказ о человеческих поисках Бога и стремлении стать совершеннее в прошлом и настоящем.

Содержание

От автора	7
Примечания по датам и диакритическим знакам	10
Вступление: Бог не один	12
Аллергия на дискуссии	18
Мнимый плюрализм	20
Религия имеет значение	24
Токсин и тоник	27
Коянискаци	32
Разные проблемы, разные цели	37
«Великий» – не обязательно «хороший»	42
Величайшая из религий	45
Спорт и спасение	49
Насущные вопросы	53
Глава 1	57
Намаз	62
Пять столпов веры	69
Джихад	75
Аллах	78
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Стивен Протеро
Восемь религий, которые
правят миром: Все
об их соперничестве,
сходстве и различиях

Stephen Prothero

God Is Not One

THE EIGHT RIVAL RELIGIONS
THAT RUN THE WORLD – AND WHY
THEIR DIFFERENCES MATTER

Harper One

An Imprint of HarperCollins Publishers

الله

Даосизм религия йогува

КОНФУЦИАНСТВО БУДДИЗМ ИУДАИЗМ

ИНДУИЗМ ХРИСТИАНСТВО

А Т Е И З М

Перевод с английского *Ульяны Сапциной*

Оформление обложки *Петра Петрова*

© Stephen Prothero, 2010

First published by HarperOne, an Imprint of HarperCollins

Publishers Translation rights by Sandra Dijkstra Literary Agency

© Сапцина У.В., перевод на русский язык, 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

От автора

Эта книга появилась благодаря великодушию моих коллег, трудам других ученых, поддержке друзей и родных, провokационным вопросам студентов.

В Бостонском университете мне была обеспечена поддержка главы кафедры Диэны Клеппер и деканов Джефффри Хендерсона и Вирджинии Сапиро. Более десяти студентов старших курсов, изучивших в Бостонском университете религиоведение и теологию, поделились со мной опытом. Коллеги по университету помогали работе продвигаться, устранивая вместе со мной «мозговые штурмы», читая отдельные главы, отвечая на письма с экстренными просьбами проверить эту фразу или ту дату: это Кесиа Али, Нэнси Аммермен, Дэвид Эккел, Пола Фредриксен, Донна Фрейтас, Скотт Герднер, Кэтрин Хьюдак, Джонатан Клаванс, Дженнифер Наст, Фрэнк Кором, Кристофер Лерих, Роберт Хефнер, Том Майкл, Дана Роберт, Адам Селигмен, Онадже Вудбайн, Уэсли Уайлдмен и Майкл Занк. Джон Бертронг и Дайана Лобел проявили поразительное великодушие, подготовив комментарии по нескольким главам и продолжая подбадривать меня во время работы.

За пределами моего родного университета помощь мне оказывали Джун Ан, Хэзер Бернс, Дэвид Чеппелл, Ивонна Ширё, Лесли Кушинг, Ивонна Дэниэл, Элис Фрэнк, Джор-

джия Фрэнк, Сет Хэнди, Ли Хохмен, Пол Джонсон, Эшли Макар, Кэтрин Макклаймонд, Джозеф Мерфи, Джейкоб Олупона, Роберт Росс, Нора Рабел, Кен Сербин, Кристин Свенсон, Роберт Фэррис Томпсон, Скот Тумма, Роберт Термен, Томас Туид, Дункан Уильямс, Джефф Уилсон, Лорен Уиннер.

Благодарю также Николаса Хагдео и Дэвида Нойхауса – и тот, и другой показали мне свой Иерусалим, а с помощью Лаоде Архэма и Меган Хинсон я побывал в домах мусульман на Яве и индуистов на Бали.

Как всегда, я чрезвычайно признателен моему замечательному литературному агенту Сэнди Диджкстра, а также трудолюбивым сотрудникам агентства *Sandra Dijkstra Literary Agency*. В издательстве HarperOne мой издатель Марк Таубер и мой рекламный агент Джули Бертон доказали, что являются первоклассными мастерами своего дела, как и мой неутомимый редактор Роджер Фрит, предоставивший замечательную референтную группу по этому проекту на всех стадиях – от предложения до публикации и так далее.

Вдобавок мне необычайно повезло иметь двух дочерей, прекрасно изображающих интерес к моей работе.

И наконец, мне следует поблагодарить моих студентов, которым и посвящена эта книга. Некоторые, например, обладатель множества талантов Шари Рабин, втягивали меня в стимулирующие дискуссии по этому проекту. Другие направляли мои мысли менее очевидными, но не менее эффектив-

ными средствами, в том числе с любопытством расспрашивая о великих религиях мира. Мои студенты – мусульмане и христиане, конфуцианцы, индуисты и неверующие. Они исповедуют буддизм, религию йоруба, иудаизм и даосизм. Поэтому они стали для меня целой лабораторией религиозных различий и моделью мирного существования приверженцев соперничающих религий.

Процесс преподавания и учебы я воспринимаю как диалог, а диалог – как провокацию. С удовольствием сообщаю, что диалоги моих студентов со мной и друг с другом в аудитории все эти годы представляли собой лучшие провокации, каких только может пожелать преподаватель. Но больше всего я благодарен студентам за важные вопросы – из тех, исчерпать которые не под силу ни одной книге, ни одной религии.

Примечания по датам и диакритическим знакам

В научной литературе, посвященной религии, часто используются диакритические знаки, указывающие, как то или иное слово произносится на санскрите или другом сакральном языке. По сути дела, наличие диакритики – признак добросовестности научного подхода. Но для большинства читателей диакритические знаки – та же китайская грамота (какая разница, бревис здесь или сидиль?), поэтому я отказался от них во всех случаях, кроме прямого цитирования, имен собственных и ссылок на источники. Если диакритический знак над или под латинской буквой «s» указывает, что она произносится, как «sh», тогда здесь этот звук передан как «sh», то есть имя индуистского бога Шива записано как «Shiva», а не «Śiva», цель в индуизме, мокша, – как «moksha», а не «mokṣa». Диакритические знаки зачастую оказываются препятствием для интеграции нехристианских религиозных терминов в английский язык – препятствием из тех, которые лучше разрушать, чем надстраивать. Одна из причин, по которым санскритское слово «nirvāṇa» вошло в словари английского языка, – возможность отбросить макрон над «а» и точку под «п». А индуистские эпосы Mahābhārata и Rāmāyaṇa нашли путь к широким кругам

англоязычных читателей уже без соответствующих циркумфлексов.

Как правило, религиоведы также помечают даты сокращениями «н. э.» («нашей/новой эры») или «до н. э.» («до нашей/новой эры») в стремлении отойти от явно христианского характера таких сокращений, как «от Р.Х.» («от Рождества Христова») и «до Р.Х.» («до Рождества Христова»). Это уловка, так как даты по-прежнему продолжают указывать на связь событий с жизнью Иисуса независимо от того, когда происходили эти события – в н. э. или после Р. Х. Но поскольку употребление сокращений «от Р.Х.» и «до Р.Х.» косвенным образом подразумевают веру в Иисуса как «Господа» и «Христа», здесь я пользуюсь

сокращениями «н. э.» и «до н. э.» У мусульман свое летоисчисление, начинающееся от Хиджры («переселения» или «бегства») Мухаммада из Мекки в Медину в 622 году н. э. Следовательно, данная книга впервые издана в 2010 году н. э., а также в 1431 году от Хиджры.

Вступление: Бог не один

Аллергия на дискуссии (с. 14) Мнимый плюрализм (с. 15) • Религия имеет значение (с. 17) • Токсин и тоник (с. 19) • Коянискаци (с. 22) • Разные проблемы, разные цели (с.24) • «Великий» – не обязательно «хороший» (с. 27) • Величайшая из религий (с. 28) • Спорт и спасение (с. 31) • Насущные вопросы (с. 33)

По меньшей мере с тех пор, как в 60-х годах XX века по всей Европе и США появились первые ростки контркультуры, стало принято заявлять, что все религии прекрасны и все они истинны. Это утверждение, которое восходит к тексту «Все религии одинаковы» (1795) английского поэта, гравера и провидца Уильяма Блейка, выглядит столь же странно, сколь и любопытно¹. Никому не приходит в голову доказывать, что разные экономические системы или политические режимы – это одно и то же. Различия капитализма и социализма настолько очевидны, что о самом факте их существования едва ли стоит упоминать. То же самое справедливо для демократии и монархии. Тем не менее ученые продолжают настаивать на том, что конкурирующие религии, такие, как индуизм и ислам, иудаизм и христианство, по некой удивительной прихоти воображения представляют собой одно и то

же, и эти взгляды эхом повторяет массовая культура, не в последнюю очередь многомиллионный проект Дэна Брауна «Код да Винчи».

Самая популярная у сторонников подобных взглядов метафора изображает великие религии взбирающимися на одну и ту же гору по разным тропам. «Взойти на гору жизни можно с любой стороны, но на ее вершине тропы сходятся, — пишет философ и религиовед Хьюстон Смит. — У подножия, в предгорьях теологической, ритуальной и организационной структуры, религии различаются. Особенности и отличия культуры, истории, географии, общественного темперамента обусловлена разница отправных точек... Но за пределами этих различий манящая цель остается одной и той же»². Эта мысль служит утешением в мире, где конфликты и насилие по религиозным причинам зачастую выглядят существующими и действенными в большей степени, нежели Бог. Но так ли это? Если да, что нас может ожидать на вершине?

Согласно Мохандасу Ганди, «вера в единого Бога — краеугольный камень всех религий», значит, к этому единому Богу и взбираются вверх по склону все религиозные люди. Но когда речь заходит о божественном, единица оказывается не единственным возможным числом религий. Многие буддисты не верят ни в одного бога, многие индуисты верят в тысячи богов. Более того, по характеру эти боги различаются настолько, что это не укладывается в голове. Так кто же на

самом деле бог – воитель, как индуистская Кали, или кроткий странник, как христианский Иисус? Обезличен он или наделен воплощением? Какого он пола – мужского, женского или обоих сразу? Или он вообще не поддается описаниям?

Как и Ганди, Далай-лама утверждает, что «ключевая мысль всех религий во многом одна и та же»³. Но с его точки зрения, религии мира объединяет не столько Бог, сколько Благо – сладостная гармония мира, любви и взаимопонимания, которые известный религиовед Карен Армстронг также считает образующими стержень каждой религии. Разумеется, традиции мировых религий объединяет и многочисленность этических норм. Ни одна религия не одобряет секс с родной матерью или убийство родного брата. Это незыблемое правило можно увидеть не только в христианской Библии и иудейском Талмуде, но и в индуистских и конфуцианских священных книгах. Но ни одна религия не воспринимает как причину своего существования одни только этические нормы. В представлении иудеев галаха («закон» или «путь») содержит и ритуалы, а десять заповедей начинаются с правил поклонения Богу.

Справедливости ради отметим: те, кто утверждает, что религии мира – одно и то же, не отрицают неоспоримого факта расхождений в деталях. Очевидно, что христиане не совершают паломничеств в Мекку, а у мусульман нет таинства крещения. Как признает Хьюстон Смит, пути религий расходятся «в предгорьях» догм, церемоний и учреждений⁴. То

есть утверждать, что все религии одинаковы, — это не значит отрицать разницу между буддистами, которые не верят в бога, иудеями, которые верят в единого Бога, и индуистами, верующими во многих богов. Это значит просто утверждать, что математика божественности — проблема «предгорий».

На протяжении большей части истории человечества люди воспринимали религиозных противников как низших по положению, и даже сегодня религиозные различия существенно влияют на реальный мир

Споры о том, есть ли у Бога тело (да, говорят мормоны; нет, говорят мусульмане), есть ли у людей душа (да, говорят индуисты; нет, говорят буддисты), не имеют значения, потому что, как пишет индуистский духовный учитель Свами Шивананда, «основы или сущность всех религий одинаковы. Религии различаются лишь в том, что не относится к сущности»⁵.

Красиво выраженная мысль — и вместе с тем опасная, неуважительная и неверная. В течение жизни более чем целого поколения мы следовали за учеными и гуру, направлялись по кроличьей норе в воображаемый мир, где все боги одинаковы. Это самообольщение отчасти объясняется вполне понятным неприятием миссионерских эксклюзивистских взглядов, согласно которым в рай или на небеса попадешь лишь ты сам и тебе подобные. На протяжении большей части истории человечества люди воспринимали религиозных противников как низших по положению приверженцев бес-

смысленных обрядов, виновников поддельных чудес, распространителей надуманных мифов. В эпоху Просвещения в XVIII веке популярность приобрели идеалы религиозной терпимости, и нам, несомненно, от этого стало легче. Тем не менее идея религиозного единства остается самообольщением, добавить миру спокойствия ей так и не удалось. Напротив, из-за этого наивного теологического группового мышления – назовем его «богомышлением» – мир стал более опасным, так как мы перестали обращать внимание на религиозные конфликты, создающие угрозу для нас повсюду. Нам пора выбраться из кроличьей норы и вернуться к действительности.

Приверженцы соперничающих религий мира объединяются, когда речь заходит о вопросах этики, но решительно расходятся по вопросам учений, обрядов, мифологии, опыта и права. Эти различия могут не иметь значения для мистиков или религиозных философов, однако они важны для простых верующих. Мусульмане не считают несущественным паломничество в Мекку, которое они называют «хадж». Напротив, его причисляют к пяти столпам ислама. Христиане не считают несущественным крещение. Напротив, оно входит в число семи христианских таинств. Но религиозные различия не просто имеют значение для тех, кто исповедует ту или иную религию. Они оказывают непосредственное влияние на реальный мир. Из-за них, к примеру, люди отказываются вступать в брак с мусульманином или индуист-

кой. А в некоторых случаях религиозные различия побуждают верующих сражаться и убивать.

Одно из назначений мантры «все религии одинаковы» – остановить эти сражения и убийства. Утешает возможность делать вид, что великие религии составляют одну большую, дружную, счастливую семью. Но каким бы благонамеренным ни было это отношение, его нельзя назвать ни точным, ни этически достоверным. Бог не один. Вера в единство религий – всего лишь вера (возможно, даже фундаменталистского толка). А скачок, который приводит нас к ней, – плод гиперактивного воображения.

Аллергия на дискуссии

Одна из причин нашего желания последовать за фантазиями в кроличью нору религиозного единства – неловкость, которую вызывают у нас споры. Когда речь заходит о религии, нам особенно остро хочется всеобщего лада и согласия. В период преподавания в Бостонском университете мне приходилось потрудиться, чтобы спровоцировать вежливую дискуссию. Моим студентам легко давалась «вежливость», а на «дискуссию» возникала аллергическая реакция. Они считали споры проявлением невоспитанности и даже в кругу друзей старались избегать их любой ценой. Они охотно обсуждали достоинства последнего фильма братьев Коэн или диска U2, но ни в какую не соглашались высказывать разногласия почти по всем прочим поводам. Когда дело доходит до религии, американская молодежь с гораздо большей вероятностью пользуется выражением «мне кажется», чем «я считаю» или, Боже упаси, «я убежден».

В иудейской традиции различают споры ради победы в спорах (не имеющие ценности) и «споры во имя Бога» (имеющие ценность)⁶. Сегодня Запад захлестывают споры по радио, телевидению, в интернете, но почти всегда эти споры ведутся не ради истины, а ради рейтингов или саморекламы, или по обоим причинам. Поэтому мы не желаем спорить на благо кого-то другого, а когда спорят другие, не ви-

дим в этом ничего достойного. Идея религиозной терпимости трансформировалась в смиренную рубашку религиозного согласия.

Однако в глубине души мы знаем, что религии мира отличаются друг от друга. Как утверждал мой коллега Адам Селигмен, сама идея религиозной терпимости подразумевает различия, поскольку незачем проявлять терпимость к чужой религии, если она, по сути дела, ничем не отличается от твоей⁷. Мы делаем вид, что эти различия несущественны, потому что так чувствуем себя увереннее, выглядим более высоконравственными. Но от притязаний на «одинаковость» мировых религий более безопасным наш мир не становится. Подобно всем формам невежества, эти притязания делают мир более опасным. Что нам нужно на этой неистово религиозной планете, так это реалистичный взгляд на сферы конфликтов соперничающих религий и сферы, в которых они могут сотрудничать. Новый подход к этой скользкой теме может внушать страх. Но мир таков, каков он есть. Поэтому толерантность и уважение останутся бессмысленными словами до тех пор, пока мы не узнаем хоть что-нибудь о том, к кому именно должны проявлять толерантность или уважение.

Мнимый плюрализм

Книга Хьюстона Смита «Религии мира» была распродана тиражом более двух миллионов экземпляров с тех пор, как впервые вышла в 1958 году под названием «Религии человечества». Одна из причин ее успеха – искреннее и убежденное провозглашение Смитом идеи принципиального единства мировых религий. Делая акцент на вечных идеалах того, что он назвал «нашими традициями мудрости», Смит уделяет основное внимание духовному опыту и сводит до минимума упоминания об исторических фактах, институциональных реалиях и соблюдении ритуалов. Он приводит в пример скорее выдающихся, нежели обычных приверженцев религии – таких мистиков, как аль-Газали в исламе, святой Хуан де ла Крус (святой Иоанн Креста) в христианстве и Чжуан-цзы в даосизме. По его собственному признанию, Смит пишет о «религиях в их лучшем проявлении», демонстрирует их «светлую сторону» вместо того, чтобы вывешивать на обозрение грязное белье, ставит их «богодуховенную» философию и теологию превыше войн и кривотолков. Он пишет с позиций сочувствующего, обращаясь к американским идиомам надежды и оптимизма. Когда речь идет о религии, говорит Смит, дело «обстоит лучше, чем может показаться»⁸.

Более полувека назад, когда Смит написал эти слова, они

сыграли на чувствах именно так, как и требовалось. После Второй мировой войны и холокоста поборники традиции, которая приобретала известность как иудео-христианская, начинали рассматривать протестантизм, католичество и иудаизм как три равноправных проявления одной общей веры. Тем временем поклонники «Вечной философии» Олдоса Хаксли (1945) и «Тысячеликого героя» Джозефа Кэмпбелла (1949) осуждали устоявшуюся склонность людей делить мировые религии на две категории: ложные и свою собственную. Религии мира, утверждали они, – это разные тропы, ведущие к вершине одной и той же горы. Или, как выразился Свами Шивананда, «Коран, Зенд-Авеста или Библия в той же степени священны, как и «Бхагавад-гита»... Ахура Мазда, Ишвара, Аллах, Яхве – все это разные имена одного Бога⁹. Сегодня этот подход – новая ортодоксальность, закрепленная в бестселлерах Карен Армстронг и телевизионных интервью Билла Мойерса с Джозефом Кэмпбеллом, Хьюстоном Смитом и другими видными сторонниками «вечной философии».

Это «вечнофилософствование» может показаться вполне плюралистическим, но лишь на первый взгляд. Католического богослова Карла Ранера справедливо раскритиковали за его теорию, согласно которой многие буддисты, индуисты и иудеи на самом деле «анонимные христиане», которые в грядущем попадут на небеса. Консервативные католики считают эту теорию оскорбительной для их давнего убеждения в

том, что «вне церкви нет спасения». Но и либералы осуждают учение Ранера за снисходительность, присущую ему, по их мнению. «Нигде в мире, – пишет католический богослов Ханс Кюнг, – не найти истинного иудея, мусульманина или атеиста, который не счел бы заявление о том, что он «анонимный христианин», безапелляционным»¹⁰.

Но безапелляционны и сторонники «вечной философии». Они тоже приписывают своей традиции посторонних вопреки их воле. Когда гуру Хаксли, Свами Прабхавананда, говорит, что все религии ведут к Богу, ему представляется индуистский Бог. И когда мои студенты-индуисты цитируют бога Кришну из «Бхагавад-гиты» (4:11) – «Как человек предается Мне, так Я и вознаграждаю его» – истина, которая им представляется, – индуистская истина. Всего в нескольких кварталах от моего офиса находится Общество Веданты и Рамакришны. Его здание очень похоже на церкви основного направления протестантизма, но перед ним расставлены изображения индуистских богов, а в самом помещении находятся символы мировых религий: исламские звезда и полумесяц, буддийское колесо дхармы, христианский крест, иудейская звезда Давида. Когда мой друг Свами Тьягананда, который руководит Обществом, утверждает, что все религии одинаковы, он высказывается как верующий человек, исполненный надежд. Когда о том, что все религии одинаковы, говорит Хьюстон Смит, он изъясняется на том же языке.

Мы живем в мире, в котором религия с одинаковой

вероятностью способна как взорвать бомбу, так и обезвредить ее

Мне понятна суть их действий. Они не описывают мир, а воображают его заново. И рассчитывают, что их надежды пробудят в нас братские чувства. Перед лицом угрозы религиозного фанатизма и кровопролития как в прошлом, так и в настоящем мы не можем не стремиться к таким видениям и такой надежде. Однако нам следует понимать, что они собой представляют, не путая ни то, ни другое с ясным и четким анализом. Мы должны признать: бывают ситуации, в которых непонимание различий между, допустим, суннизмом и шиизмом, усиливает, а не ослабляет конфликты и насилие. Увы, мы живем в мире, в котором религия с одинаковой вероятностью способна как взорвать бомбу, так и обезвредить ее. И если идеализм нам необходим, то в реализме мы нуждаемся еще сильнее. Нам требуется понять религиозных людей такими, какие они есть, не только в лучшем, но и в худшем проявлении. Мы должны обратиться не только к архитектуре, внушающей благоговейный трепет, и благородному мистицизму, но и к фанатизму, и к террористам-смертникам.

Религия имеет значение

Действительно ли у мировых религий больше общего, чем различий, – один из решающих вопросов нашего времени. До недавнего времени большинство социологов были уверены, что религии исчезают, что по мере индустриализации и модернизации страны будут становиться все

более светскими. В настоящее время религия действительно сдает позиции во многих западноевропейских странах. Однако более девяти из каждых десяти американцев веруют в Бога, и за примечательным исключением Западной Европы, остальному миру тоже присуща выраженная религиозность. Повсюду в Латинской Америке, Африке и Азии религия имеет значение для христиан, которые славят Иисуса после рождения ребенка, для мусульман, которые обращаются к Аллаху за утешением, когда узнают, что больны раком, и для индуистов, которые просят у богини Лакшми здоровья, богатства и мудрости. Религия играет существенную роль и в жизни Западной Европы, где свойственное католичеству отношение к женщине и телу, к примеру, продолжает оказывать влияние на повседневную жизнь в Испании и Италии и где призыв к молитве по пять раз на дню звучит в мечетях повсюду, от Амстердама до Парижа и Берлина.

Однако религия – не просто частное дело. Она имеет значение на социальном, экономическом, политическом и во-

енном уровне. Религия может и не сворачивать горы, тем не менее это одна из главных движущих сил мировой политики. Она определяет ход выборов и в США, где примерно половина американцев утверждает, что не стали бы голосовать за атеиста, и в Индии, где движение «Хиндутва» («индускость») стало местным вариантом американского движения правых христиан. Религией движима и экономика. Паломники, направляющиеся в Мекку и Иерусалим, закачивают миллиарды долларов в год в экономику Саудовской Аравии и Израиля. Доход от продаж Библии в США ежегодно составляет приблизительно 500 миллионов долларов, оборот мусульманских банков достигает одного триллиона долларов¹¹.

Религия – не просто частное дело. Это одна из главных движущих сил мировой политики

Мировую историю зачастую излагают так, словно религия не играла в ней хоть сколько-нибудь заметной роли. Испанцы завоевали Новую Испанию ради золота, британцы прибыли в Новую Англию, чтобы ловить рыбу. Великая французская революция не имела никакого отношения к католицизму, движение за гражданские права в США преследовало исключительно гуманистические цели. Но даже если религия представляется вам лишённой смысла, понять ее смысл необходимо, чтобы понять мир.

В одном только XXI веке религия уничтожила Бамианские статуи Будды в Афганистане и башни-близнецы в Нью-

Йорке. Она же разожгла гражданскую войну в Шри-Ланке и Дарфуре. Она оказывала сопротивление коалиционным войскам в Ираке. Во многих странах мнение религии оказывается решающим в вопросах питания людей, а также обстоятельств их вступления в брак и развода. Религиозное соперничество либо медленно кипит, либо выплескивается в Мьянме, Уганде, Судане и Курдистане. Борьба в Иерусалиме и на Ближнем Востоке носит религиозный характер в той же мере, что и экономический и политический. Индуизм и буддизм служили ключевыми факторами мотивации в затянувшейся на десятилетия гражданской войне, еще недавно раздиравшей Шри-Ланку. Религия остается главным мотивирующим фактором в Кашмире, где две ядерные державы, преимущественно индуистская Индия и преимущественно мусульманский Пакистан, никак не могут разрешить давний территориальный спор с осязаемым религиозным оттенком. Догмат «все религии одинаковы» не поможет нам продвинуться в понимании этой борьбы ни на йоту.

Токсин и тоник

Начало XXI века в Европе и США ознаменовалось выходом в свет десятков бестселлеров, написанных так называемыми новыми атеистами. Такие авторы, как Ричард Докинз, Сэм Харрис, Дэниел Деннет, Кристофер Хитченс и Мишель Онфре, проповедовали свою версию «богомышления», усаживая в подражание сторонникам «вечной философии» все религии в одну лодку. Но эта команда видела лишь грехи, объединяющие великие религии – одну и ту же глупость, один и тот же гнет. Посмотрите на крестовые походы, 11 сентября и все религиозные конфликты в промежутке между этими событиями, предлагали они. Посмотрите на уродливое наследие сексистских (и подавляющих сексуальность) писаний. Религия опасна для вашего здоровья и токсична для общества.

Разумеется, религия существует не в вакууме. «Исповедовать религию в общем» можно с таким же успехом, как «говорить в общем на языке». Поэтому обобщения, касающиеся комплексного влияния религии, – особая категория опасности. Тем не менее основной тезис «новых атеистов», несомненно, верен: религия действительно является одной из величайших сил зла в мировой истории. Однако религия – это еще и одна из величайших сил добра. Религии оставили божественную печать одобрения на всевозможных дьяволь-

ских замыслах, но вместе с тем религии обладают достаточной силой, чтобы сказать «нет» злу и пошлости. Да, религия дала нам инквизицию. А во времена

Религия – одна из величайших сил зла в мировой истории

не столь отдаленные она дала нам убийства президента Египта Анвара Садата исламскими экстремистами, премьер-министра Израиля – вооруженным иудеем, премьер-министра Индии Индиры Ганди – телохранителями-сикхами. Но вместе с тем религии мы обязаны отменой рабства и движением за гражданские права. Множество, а может, и большинство шедевров живописи, литературы, скульптуры, архитектуры и музыки созданы благодаря религиозному вдохновению. Без религии не было бы Альгамбры и Ангкор-Вата, регги и григорианского хора, «Тайной вечери» Леонардо да Винчи и «Четырех квартетов» Т.С. Элиота, «Молчания» Сюсаку Эндо и «Ночи» Эли Визеля.

Политологи полагают, что мотивацией людям служит в первую очередь власть, экономисты приписывают то же значение алчности. Но невозможно понять действия отдельных лиц, общин, сообществ, народов, если подходить к ним исключительно с политическими или экономическими мерками. Незачем верить в силу молитвы, чтобы увидеть, как сила религиозных убеждений и поступков побуждает людей к действию. Религия сыграла свою роль в создании Исламской Республики Пакистан в 1947 году и в основании государства

Израиль в 1948 году, в Исламской революции в Иране (1979) и в «Рейгановской революции» 80-х годов XX века.

Когда я преподавал в университете штата Джорджия в Атланте, я требовал, чтобы мои студенты читали нацистскую богословскую литературу. Я хотел, чтобы они поняли, каким образом некоторые христиане сумели превратить слова Библии в оружие, направленное против евреев, и как это оружие привело к появлению Освенцима и Дахау. После этого шокирующего чтения мои студенты-христиане возмущенно заявляли в один голос: нацисты были ненастоящими христианами, потому что настоящие христиане ни за что не стали бы отправлять евреев в крематории. Эта реакция ужаснула и до сих пор ужасает меня, поскольку неспособность понять, каким образом ненависть древних христиан к «христоубийцам-евреям», питавшая нацизм, позволяет христианам сложить с себя всякую ответственность за вклад, который их религия внесла в ужасы войны.

После 11 сентября многие мусульмане тоже отказались от подобной ответственности. Они утверждали, что террористы, вера которых превратила самолеты в оружие массового уничтожения, террористы, которые оставили свой Коран в чемоданах и с криками «Аллаху Акбар» («Аллах Велик») направили самолеты к выбранным целям, были ненастоящими мусульманами. Истинные мусульмане не стали бы убивать женщин, детей, мирных граждан. Таким образом, эти мусульмане сложили с себя ответственность и отказались

расплачиваться за темную сторону своей традиции.

Я требовал, чтобы мои студенты читали нацистскую богословскую литературу. Я хотел, чтобы они поняли, каким образом некоторые христиане сумели превратить слова Библии в оружие злодеев

Так что же такое религия – токсин или тоник? Одна из величайших в мире сил зла или одна из величайших в мире сил добра? Да и еще раз да, и это значит, что религия – слишком заметная сила, чтобы пренебрегать ею. Ганди был убит индуистским экстремистом, убежденным, что мусульманам досталась слишком большая территория по условиям раздела Индии и создания Пакистана. Однако стратегия сатьяграхи, или ненасильственного сопротивления, которую пропагандировал Ганди, тоже была порождена религией, на нее оказали заметное влияние джайнистский принцип ахимсы (ненасилия), а также пацифизм Нагорной проповеди Иисуса. Да, религия дала Соединенным Штатам расистскую ненависть Ку-клукс-клана, но вместе с тем положила конец дискриминирующим «Законам Джима Кроу» о расовой сегрегации.

Сегодня невозможно понять американскую политику, не имея представления о Библии, на которой клянутся президенты США и к которой почти ежедневно обращаются в Конгрессе. Невозможно понять политику Индии и экономику Китая, ничего не зная об индуизме и конфуцианстве. На заре XX века У. Э.Б.Дюбуа в книге «Душа черного народа» пророчествовал, что «проблема XX века – проблема цвет-

ного барьера». События 11 сентября и многие другие свидетельствуют о том, что для XX века характерна проблема религиозного барьера¹².

Коянискаци

Если что-то и объединяет религии мира, то не столько финишная черта, сколько точка старта. А начинаются они с одного простого наблюдения: в мире что-то разладилось. В языке индейцев хопи слово «коянискаци» означает «жизнь вне равновесия». В шекспировском «Гамлете» говорится, что «подгнило что-то» не только в Дании, но и в существовании человека. Индуисты считают, что мы живем во время Кали-юги, эпохи наибольшего упадка в космической истории. Буддисты утверждают, что жизнь человека обезображена страданием. История иудаизма, христианства и ислама свидетельствует о том, что эта жизнь проходит отнюдь не в Едеме, и что Сион, Царство Божье и рай где-то впереди.

Религиозные люди во всем мире соглашались с тем, что порядок нарушен. Однако их мнения расходятся при попытках выяснить, что именно разладилось, а пропасть между ними возникает при переходе от выявления людских проблем к поискам их разрешения. Христиане считают источником всех бед грех, а религиозной целью – спасение от греха. Буддисты называют этим источником страдание (которое, согласно их традиции, отнюдь не возвышает), а религиозной целью – избавление от страданий. Если приверженцы религий мира и вправду сродни альпинистам, тогда они взбираются на совершенно разные горы, совершают восхождение

на разные пики и пользуются при этом разным снаряжением и приемами.

Так как религиозные традиции не остаются статичными со сменой веков, стран и обстоятельств, внутренние разногласия в каждой из мировых религий весьма существенны. Религиоведы поспешат указать, что существует не один буддизм, а множество. То же самое относится ко всем религиям мира. Христиане причисляют к себе подобным приверженцев римского католичества, православия и протестантизма; быстро развивающийся мормонизм вполне может оказаться четвертым из основных путей христианства. Иудеи различают ортодоксальный, консервативный, реформистский, конструктивистский и секулярный иудаизм. Индуисты поклоняются невообразимому множеству богов невообразимым множеством способов. И, как может подтвердить каждый американский и европейский солдат, воевавший в Ираке и Афганистане, суннизм и шиизм – направления ислама, заметно различающиеся во многих отношениях.

Я вовсе не считаю, что мы не наблюдаем «конфликт цивилизаций» между исламом и христианством, тем не менее нелепо предполагать, что две крупнейшие мировые религии одинаковы хоть в сколько-нибудь значительном смысле или что межконфессиональный диалог между христианами и мусульманами как по волшебству поможет преодолеть разделяющую их пропасть. Казалось бы, этот факт должен воодушевлять сторонников мультикультурализма, прославля-

ющих многообразие в рамках религиозных традиций и за их пределами. Но даже в среде мультикультуралистов прослеживается тенденция делать вид, будто бы различия между, скажем, исламом и христианством скорее мнимые, чем подлинные, и что различия внутри религиозных традиций просто не являются основанием для шумихи, которую поднимают из-за них верующие. Тем временем в англиканских общинах всего мира наблюдается раскол по вопросу отношения к гомосексуализму, а в США такие болезненные темы, как аборт или исследования стволовых клеток, разводят протестантов по двум враждующим лагерям.

Если что-то и объединяет религии мира, то не столько финишная черта, сколько точка старта. А начинаются они с одного простого наблюдения: в мире что-то разладилось

Более ста лет ученые вели поиски сущности религии. Они уже считали, что нашли этот Святой Грааль в Боге, но потом узнали, что буддисты и джайнисты отрицают существование Бога. Сегодня широко распространено мнение, согласно которому общей для всех религий сущности нет. Если что и объединяет их, то фамильное сходство: склонность к определенным верованиям или поступкам. В этом семействе религий родственникам свойственно отправлять обряды. Им свойственно делиться преданиями о том, как появились жизнь и смерть, и записывать эти предания, составляя священные книги. Им свойственно совершенствовать мето-

дики вхождения в транс и поклонения. Свойственно образовывать институты и собираться в священных местах во время, считающееся священным. Свойственно учить людей, как вести себя по отношению друг к другу. Свойственно исповедовать ту или иную веру в богов и сверхъестественное. Свойственно наделять предметы и места сакральным смыслом. Религиозный философ Ниниан Смарт называл эти тенденции семью «асpekтами» религии: обрядовым, нарративным, эмпирическим, институциональным, этическим, доктринальным и материальным¹³.

Но эти примеры семейного сходства – всего лишь тенденции. Как в семьях невысоких людей есть верзилы (у баскетболиста Майкла Джордана не было родственников ростом выше шести футов – 1,80 м), так и в семье религий есть те, которые отвергают существование Бога, и те, которые прекрасно обходятся без символов веры. Религия является таковой в том случае, если обладает достаточным сходством ДНК, чтобы принадлежать к семье религий. Особенными (и самими собой) членов этой семьи религии делает то, как именно они смешивают и сочетают свои аспекты. Опыт занимает центральное место в даосизме и буддизме. Нарративный аспект подчеркивается в индуизме и иудаизме. Для конфуцианства ключевое значение имеет этический аспект. Ислам и религия йоруба – в значительной мере ритуалы. А доктринальность особенно важна для христиан.

Соперничающие религии мира, несомненно, связаны род-

ственными узами, но скорее как двоюродные братья и сестры, чем как монозиготные близнецы. Они следуют разным учениям. Они отправляют разные обряды. И не преследуют одни и те же цели.

Разные проблемы, разные цели

После выхода моей книги «Религиозный ликбез» (*Religious Literacy: What Every American Needs to Know – and Doesn't*, 2007) я получил по обычной и электронной почте множество писем, в которых читатели признавались, что понятия не имеют о мировых религиях, и спрашивали, нет ли какой-нибудь книги, которую можно прочесть, чтобы стать грамотным в вопросах религии. Эта книга написана специально для них. В ней рассматриваются характерные особенности каждой из великих религий: к примеру, увлеченность приверженцев религии йоруба властью, акцент даосистов на естественности, внимание мусульман к загробной жизни.

Основа этого проекта – простой, состоящий из четырех частей подход к религиям, метод, которым я годами пользуюсь в учебных аудиториях и лекционных залах всего мира. Каждая религия формулирует:

- проблему,
- решение этой проблемы, которое также служит религиозной целью,
- метод (или методы) перехода от проблемы к ее решению,
- пример (или примеры) для подражания, которые проложили этот путь от проблемы к решению.

К примеру, в христианстве

- проблема – грех,
- решение (или цель) – спасение души,
- метод достижения спасения – определенное сочетание

веры и добросовестной работы,

- примеры для подражания, указавшие этот путь, – святые в католичестве и православии и простые верующие в протестантизме.

В буддизме

- проблема – страдание,
- решение (или цель) – нирвана,
- метод достижения нирваны – Благородный Восьмеричный Путь, предусматривающий такие классические практи-

ки буддизма, как медитация и песнопения,

- примеры, указавшие этот путь, – архаты (в тхераваде), бодхисаттвы (в махаяне) или ламы (в ваджраяне).

Этот четырехчастный подход является заведомо упрощенным. Невозможно обобщить итоги тысячелетий христианской веры или буддийской практики в четырех тезисах. Следовательно, эта модель – всего лишь отправная точка, а нюансы прояснятся по ходу дела. К примеру, католики и протестанты расходятся во мнениях о том, как достичь спасения, а приверженцы махаяны и тхеравады – в том, как достичь нирваны (и в вопросе о том, является ли нирвана «до-

стижением»). Однако несомненное достоинство этой простой схемы заключается в том, что она помогает выявить и разъяснить различия между религиозными традициями и внутри них. Пытаются ли буддисты достичь спасения души? Конечно, нет, так как даже не верят в грех. Пытаются ли христиане достичь нирваны? Нет, поскольку для них страдание не является тем, что надлежит преодолевать. В сущности, оно может даже пойти на пользу.

Эта книга обращена и к религиозным, и к нерелигиозным людям. Незачем верить в Бога, чтобы испытывать желание понять, как вера в Бога преображала личность и общество со времен Древнего Израиля до современного Китая. Незачем креститься или выходить замуж за мусульманина, чтобы стремиться к пониманию воздействия обрядов на людей, которые их отправляют. Значит, эта книга написана для неверующих. Но вместе с тем и для исповедующих веру, и для искателей своего сакрального пути. Люди, проявляющие интерес к духовной жизни и находящиеся в поиске новых вопросов или новых ответов, найдут изобилие и того, и другого в жизни индуистов, конфуцианцев и иудеев, о которой говорится в этой книге. И даже те, кто уже утвердился в своих религиозных (или нерелигиозных) привычках, получают возможность заново сформулировать свои религиозные обязательства (или отсутствие таковых), сравнивая их с иными проявлениями религиозности и находя сходства и различия.

В этой книге многого недостает. В нее не вошел синтоизм

– как и джайнизм, зороастризм, викканство и бахаизм. Обделены вниманием новые религиозные движения, такие, как растафарианство и сайентология. Но больше всего я сожалею о том, что не включил в книгу сикхизм. Я куратор Ассоциации сикхов Бостонского университета, несколько лучших моих студентов были сикхами. Но мне понадобилось провести черту, и я провел ее, оставив под ней примерно 25 миллионов приверженцев сикхизма.

В эту книгу вошли великие религии Ближнего Востока (иудаизм, христианство и ислам), Индии (индуизм и буддизм) и Восточной Азии (конфуцианство и даосизм). Кроме того, в нее была включена вера Западной Африки и диаспор ее выходцев – религия йоруба. В учебниках религиоведения в ту же кучу обычно сваливают североамериканские, австралийские и прочие африканские «первобытные» или «примитивные» религии.

Тот, кто знает только одну религию, ничего не знает о религии

Однако йоруба – на самом деле великая религия, насчитывающая более 100 миллионов приверженцев, живущих повсюду – от места ее зарождения в Западной Африке до Южной и Центральной Америки, островов Карибского моря и США. Религии представлены здесь в отдельных главах, но ни одна из них в действительности не занимает обособленного положения. Как не устают напоминать нам конфуцианцы, человек не остров, и как писал философ-иудей Абрахам

Хешель, «ни одна религия не является островом»¹⁴. Одна из важных тем мировой истории – межрелигиозный контакт, а возникновение межрелигиозных конфликтов, сотрудничества и союзов в последнее время ускорилось. Поэтому цель данной книги – представить восемь великих религий не по отдельности, а в состоянии соприкосновения и в сравнении. Можно немало узнать о своей религии, сравнивая ее с другими. Согласно известному высказыванию немецкого филолога и специалиста по сравнительному религиоведению Макса Мюллера, «тот, кто знает что-то одно, ничего не знает»¹⁵.

«Великий» – не обязательно «хороший»

Мусульмане с давних времен настаивают на том, что единственный Бог велик. Но в этой книге великими названы значительные мировые религии. Что это значит? Во-первых, это не значит, что все они хороши. Дольше, чем на протяжении жизни поколения, авторы, пишущие о религии, руководствовались убеждением, что путь к межрелигиозному пониманию – акцент, сделанный не только на сходствах мировых религий, но и на том, что они по сути своей благо. Это побуждение вполне понятно. Ни один беспристрастный ученый не станет закреплять стереотипы, зачастую уходящие корнями в миссионерскую полемику и утверждающие, что ислам – сексистская, индуизм – идолопоклонническая религия, а африканские верования сродни сатанизму. Однако пришло время перерасти этот защитный рефлекс. После холокоста и 11 сентября и нам необходимо рассматривать мировые религии такими, какие они есть на самом деле – во всем их бесславии и славе. Значит, необходимо понять, в чем они расходятся и согласуются, и не закрывать глаза на их недостатки и промахи.

С 1927 года журнал *Time* выбирает «человека года». Некоторые избранники, мужчины и женщины, – первыми вспоминаются Франклин Делано Рузвельт и Уинстон Черчилль, –

были великими в благом смысле слова. Но благо не являлось обязательным условием для редакции *Time*, где просто искали человека, «с которым так или иначе связаны наиболее важные события минувшего года». (Избранником *Time* в 1938 году стал Гитлер, а в 1939 и 1942 годах – Сталин). При выборе религий для этой книги я не предпринимал никаких усилий, чтобы отделить зерна от плевел. Я просто старался включить в текст распространенные и весомые религии – те, которые «так или иначе» оказывали непосредственное влияние в течение некоторого времени и продолжают оказывать на нас влияние сегодня¹⁶.

Мировые религии представлены здесь не в хронологическом порядке их основания, а по степени влияния, от наиболее до наименее влиятельных. Но как определить степень влияния? Очевидно, что в этом

Пришло время рассматривать мировые религии такими, какие они есть на самом деле – во всем их бесславии и славе

случае статистика выходит на первый план. Строго в численном выражении наиболее великими религиями являются христианство и ислам, которые вместе исповедует более половины населения планеты; иудаизм с его 14 миллионами приверженцев находится на последнем месте. Но есть еще один ключевой фактор – историческая значимость. По этой шкале иудаизм вполне может оказаться величайшей из религий, так как он породил и христианство, и ислам. В ито-

ге был выбран порядок, соответствующий в первую очередь воздействию в настоящее время – степени, в которой каждая религия задевает нас, потрясает, лишает дара речи.

Собирая материал для этой книги, я обращался к друзьям и студентам с вопросом о том, какую религию они считают наиболее влиятельной. И получил длинный перечень возможных вариантов, вплоть до коммунизма. Веские доводы были приведены в пользу конфуцианства, основной движущей силы восточноазиатского экономического чуда, которое увидело предыдущее поколение, и нынешнего бума в Китае, где правительство пропагандирует идеалы конфуцианства в дополнение к умирающей идеологии марксизма-ленинизма (и в качестве возможной замены последней). Но самые значительные религии сегодняшнего дня – христианство и ислам. Именно они традиционно вызывают раздражение у атеистов. Именно они привели к изменениям на геополитической карте.

Величайшая из религий

Доводы в пользу преимуществ христианства выглядят убедительно. В США, самой могущественной державе мира, христианство – религия *par excellence*. Бестселлер номер один во всем мире, Библия, – священное писание американских политиков, широко цитируемое в инаугурационных речах и на заседаниях в Белом доме и Сенате. Подавляющее большинство граждан США считают себя христианами, то же самое относится ко всем президентам страны, начиная с Вашингтона. Но во всем мире религией большинства христианство не является. В сущности, ни одна религия не претендует более чем на треть современного глобального религиозного рынка, действующего в условиях острой конкуренции. Следовательно, в мировых масштабах вопрос о величии не имеет однозначного ответа.

Ни одна религия не претендует более чем на треть современного глобального религиозного рынка, действующего в условиях острой конкуренции

Тем не менее положение Мухаммеда Али в сфере мировых религий занимает ислам. Статистически ислам на втором месте после христианства, но численность его сторонников растет гораздо быстрее. За последний век численность христиан в мире слегка снизилась – с 35 % в 1900 году до 33 % в настоящее время. В Европе многих христиан можно

назвать исповедующими эту религию в лучшем случае формально. За тот же период численность приверженцев ислама резко возросла: с 12 % населения мира в 1900 году до 22 % в настоящее время¹⁷. Согласно Базе данных по мировым религиям, численность сторонников ислама растет на 33 % быстрее численности сторонников христианства главным образом за счет высокой рождаемости в Индонезии, Пакистане, Бангладеш, Индии, Египте, Иране и других странах, где преобладает ислам¹⁸. Так что если в христианском сегменте рынка наблюдается застой, то исламский продолжает рваться вперед с головокружительной скоростью.

Если же отставить цифры, ислам остается лидером по влиянию на современность.

Многие христиане следуют принципу «кесарю кесарево, а Богу Богово», ограничивая свою веру личной сферой. Мусульмане же, напротив, так и не приняли разделения на частное и публичное. Большинство воспринимает ислам как религию и образ жизни.

Ислам определяет то, как верующие одеваются, питаются, вкладывают, тратят и одалживают деньги. Поэтому религиозные обязательства мусульман оказывают значительное влияние на мир, который их окружает.

Ислам и христианство – миссионерские религии, соперничающие в борьбе за новообращенных с тех пор, как в VII веке родился ислам. С начала современной эпохи ислам был на подъеме, в 1453 году завоевал Константинополь и в те-

чение следующих нескольких веков быстро распространялся по Европе и Ближнему Востоку, Северной Африке, Индии и Юго-Восточной Азии. Но в последние несколько столетий, особенно после падения Османской империи в 1918 году, начался подъем христианства – благодаря экономическому, технологическому и военному могуществу колониальных держав Европы и США. В наше постколониальное время мусульмане вновь на марше и в новостных передачах.

Почти ко всем политическим горячим точкам мира так или иначе причастны мусульмане

В мире, где от нефти зависит жизнь наших автомобилей, электростанций и во все более значительной степени – наша собственная жизнь, шейхи Саудовской Аравии и других богатых нефтью исламских государств пользуются невероятным влиянием. Почти ко всем политическим горячим точкам мира так или иначе причастны мусульмане. И наконец, влияние, которое исламские экстремисты «Аль-Каиды» и других джихадистских организаций оказывают на современную жизнь, не поддается учету. Их действия привели к перераспределению триллионов долларов из государственных бюджетов, преобразили не только наши способы путешествовать и вести войны, но и наши представления о будущем планеты. Словом, ислам – религия, о которой говорят на планете больше, чем о какой-либо другой. Неслучайно журналист Кристофер Хитченс направлял свое острое перо в первую очередь на ислам. «Аллаху Акбар, – говорят пра-

воверные мусульмане. – Бог велик». «Бог вовсе не велик, – возражал Хитченс. – Религия отравляет все»¹⁹.

В настоящее время мусульмане втянуты в исторический диалог о пути, который им следует проложить в современном мире, и не в последнюю очередь об отношениях между мечетью и государством. Этот диалог ни в коей мере не ограничен экстремистами или Ближним Востоком. Он бурно развивается в Индонезии, мусульманское население которой (самое многочисленное в мире) проявляет мало интереса к экстремизму. Он ведется и на Западе, где сильны позиции «прогрессивного ислама». На территории США находится более тысячи мечетей, политики учитывают политическое влияние мусульман в «колеблющихся штатах», таких, как Мичиган, а также в регионе трех штатов – Коннектикута, Нью-Джерси и Нью-Йорка. В Великобритании имя Мухаммад в настоящее время занимает третье место по популярности, его опережают лишь Томас и Гарри, а от него отстают

Джек и Оливер²⁰. Ислам также является наиболее быстро растущей религией в Европе, где численность мусульман за последние тридцать лет увеличилась втрое²¹.

Спорт и спасение

При выборе религий для этой книги и расстановке их по силе современного воздействия я, очевидно, находился под влиянием собственных предубеждений. Но я старался быть беспристрастным. Собирая материал в Иерусалиме, я разговаривал с одним пожилым мусульманином. Когда я сказал ему, что пишу книгу о религиях мира, он строго посмотрел на меня, показал в мою сторону пальцем и велел мне быть честным. «Не пишите лжи о религиях», – сказал он. Религиоведы редко бывают честными настолько, чтобы признать это в разговоре, а тем более в публикациях, но все мы знаем, что в каждой религии мира есть то, что ей удастся хорошо, и то, что ей не удастся совсем. Если речь идет о помощи бездомным, скорее всего мы обнаружим, что христианское движение «Общественное Евангелие» гораздо полезнее индуистского представления о кастах. Когда нам надо найти способ успокоить мысли путем физических упражнений, пример индуистских йогов окажется полезнее примера христианских святых.

Однако быть честным – значит следовать традициям религии, писать так, чтобы по прочтении соответствующей главы верующие могли сказать «аминь», и в целом помнить, что пишущий о любой религии задевает чьи-то чувства. Проводя исследования для этой книги, я неоднократно сталкивал-

ся с тем, что видные теологи индуизма и буддизма обращаются с понятиями «греха» и «спасения души» так, словно они относятся к числу индуистских и буддийских²². Но это христианские понятия, поэтому я не пользовался ими, когда писал об индуизме и буддизме. По тем же причинам я не стал называть мусульманский рай или буддийскую нирвану небесами. Кроме того, я не исходил из предположения, что для индуистов писание играет столь же важную роль, как и для протестантов, или применяется схожим образом. Самые священные индуистские писания – Веды, но едва ли индуистам есть дело до их содержания: как подтвердит почти любой индуист, в этом случае важны звуки и сакральная сила, которую эти звуки передают. Я не считал, как считают многие протестанты, что религии – это прежде всего вера и убеждения. Религию нельзя низводить до уровня «системы убеждений», как нельзя сводить ее к «системе обрядов». Убеждения – неотъемлемая часть большинства религий, но все-таки лишь часть, и в большинстве случаев далеко не самая важная. (Например, можно быть иудеем, не веря в Бога). Поэтому я буду называть протестантов «верующими», а их религию – «верой», но постараюсь реже упоминать о религиозных людях в целом как о «верующих» или о том, что их традиции «основаны на вере».

Христианским мыслителям издавна свойственно полагать, что спасение души – цель всех религий, а затем утверждать, что лишь христиане могут достичь этой цели. Сын ме-

тодистских миссионеров Хьюстон Смит, выросший в Китае, отрицал это утверждение, но не предпосылки к нему. «Считать спасение монополией какой-либо одной религии, – писал он, – все равно что заявлять, что Бога можно найти лишь в этой комнате, но никак не в соседней»²³. Заявление о том, что и конфуцианцы с буддистами могут спастись, может показаться достойным восхищения проявлением эмпатии. Тем не менее оно в корне ошибочно, так как конфуцианцы или буддисты не стремятся к спасению. Спасение – христианская цель, и когда христиане говорят о нем, то они имеют в виду спасение от греха. Но конфуцианцы и буддисты не верят в грех, поэтому им представляются бессмысленными попытки спастись от него. И хотя мусульмане и иудеи упоминают о грехах, ни в исламе, ни в иудаизме спасение от греха не названо целью. Когда темничный страж спрашивает апостола Павла: «Что мне делать, чтобы спастись?» (Деян 16:30), он задает не общечеловеческий, а специфический христианский вопрос. Поэтому каким бы великодушным ни казалось утверждение, что конфуцианцы, буддисты, мусульмане и иудеи могут быть спасены, на самом деле оно только создает путаницу. К спасению стремятся лишь христиане.

Здесь, пожалуй, будет уместным сравнение со спортом. В каком из следующих видов спорта – в бейсболе, баскетболе, теннисе или гольфе, – можно улучшить счет с помощью пробежек? Конечно, в бейсболе, потому что сам термин «пробежка» отсутствует в баскетболе, теннисе и гольфе. В каж-

дом виде спорта своя цель: баскетболисты стремятся забросить как можно больше мячей в корзину, теннисисты отыгрывают очки, гольфисты загоняют мяч в лунки. И если задать вопрос, в каком из видов спорта имеют ценность пробежки, бейсбол с самого начала попадает в привилегированное положение. Критиковать баскетбольную команду за то, что ее игроки не набирают очки за счет пробежек – не значит запятнать ее репутацию. Это всего лишь непонимание сути игры в баскетбол. И в этом заключается еще одна проблема с мнимым плюрализмом давнего философского толка: как пробежки являются монополией только одного вида спорта, так и спасение – монополия только одной религии. Если рассматривать грех как причину затруднительного положения человека, а спасение души – как решение, тогда имеет смысл обратиться к Христу. Но проблему это не уладит настолько, как может показаться, поскольку подлинный вопрос заключается не в том, какая из религий наилучшим образом доставит нас в «зону защиты», то есть к спасению, а в том, к которой из многочисленных предлагаемых религиозных целей нам следует стремиться. Стоит ли нам пробиваться к «зоне защиты», то есть к спасению души, или же лучше прорваться к финишной черте социальной гармонии? Надо ли выбирать такую цель, как реинкарнация? Или бегство из замкнутого круга жизни, смерти и перерождения?

Насущные вопросы

Каждый год я объясняю своим старшекурсникам, что для студентов существует два достойных пути. Один из них – предпрофессиональная подготовка, подготовка к карьере, которая обеспечит им еду на столе и крышу над головой. Второй, более личный, – поиск насущных вопросов, достойных того, чтобы задать их, вопросов, ответы на которые нельзя найти ни за семестр, ни в течение всей жизни (и не одной). Как возникает что-либо? Как оно прекращает свое существование? Как происходят изменения? Каким образом что-то остается неизменным? Что такое «я»? Кто или что такое «Бог»? Что происходит, когда мы умираем? С той же предсказуемостью, с какой осень сменяет лето, младшекурсники приносят в аудитории насущные вопросы такого рода. И с той же предсказуемостью многие преподаватели пытаются направить внимание студентов на вопросы попроще, которые можно охватить за одну часовую лекцию, задать на выпускном экзамене и ответить на нем же. Но студенты правы: по крайней мере, в данном случае «сложнее» значит «лучше».

Прежде чем я начал признаваться, что запутался в религиозных вопросах, мне казалось, что на самые насущные из них я знаю ответы. Теперь же мне известно, что я не знаю даже, как правильно сформулировать сами вопросы. Мухам-

маду приписывают изречение «верно заданные вопросы – половина учения», и если оно справедливо, значит, я был в лучшем случае недоумком²⁴. Сегодня я пытаюсь следовать совету немецкого поэта Райнера Марии Рильке и «любить сами вопросы», не в последнюю очередь – заданные американским мистиком Уолтом Уитменом:

...поведай о том, что видел,
Что врезалось в память тебе. Какие битвы,
Победы и поражения, осады навек ты запомнил?²⁵

(Пер. М. Зенкевича)

Существуют всевозможные причины для попыток повысить свою религиозную грамотность. Одна из них – гражданская. Невозможно понять город, страну или мир, не принимая во внимание колоссальное влияние религии, какую бы направленность оно ни имело. Есть также личные причины культивировать религиозную грамотность, в том числе тот факт, что изучение мировых религий дает возможность вступить в увлекательный, продолжающийся тысячелетиями диалог о рождении и смерти, вере и сомнении, осмысленности и путанице. Американский философ Ричард Рорти называл религию «стопором для разговоров», и действительно, кому не случалось постучаться в эту дверь и увидеть, как разговор упирается в незыблемые утесы догматов?²⁶ Но вместе с тем религия служит и завязкой для разговоров. Мы,

люди, задаем вопросы. Мы хотим знать, почему. От этого зависит наше счастье (и, конечно, наши беды). Изучать великие религии – значит стоять рядом с Иисусом и Буддой, Мухаммадом и Моисеем, Конфуцием и Лао-цзы, значит с любопытством и трепетом обратиться к целому миру проблем, значит переходить, как при любом разговоре, от темы к теме, от вопроса к вопросу. Зачем мы здесь? Куда мы движемся? Как живем? Есть ли Бог? А зло? А мы?

Когда меня спрашивают, как я стал преподавателем религиоведения (а это и вправду необычная профессия), обычно я отвечаю, что узнал о религиоведении как раз в то время, когда утрачивал христианскую веру своей юности, и что эта наука дала мне возможность заниматься религиозными вопросами, по-прежнему увлекавшими меня, не претендуя на то, что хоть какие-то ответы будут даны в ближайшее время. Когда же, перефразируя Блаженного Августина, я стал «вопросом для себя», то обратился и к другим, еще более насущным вопросам, так и начался мой непрекращающийся диалог с великими религиями²⁷.

Одно из самых распространенных заблуждений, касающихся мировых религий, заключается в том, что они якобы проникают на одинаковые глубины, задаются одними и теми же вопросами. Это не так. Только те религии, которые считают Бога благим, спрашивают, как добрый Бог допустил гибель миллионов людей во время цунами. Только религии, для которых характерна вера в существование души, спра-

шивают, существует ли душа до рождения человека и что происходит с душой после его смерти. И только религии, считающие, что у нас на всех одна душа, спрашивают о «душе» в единственном числе. Но все религии задаются вопросами о положении и состоянии человека. Вот мы, существующие в человеческом теле. Что теперь? Что дальше? Какими мы должны стать?

Изучать великие религии – значит стоять рядом с Иисусом и Буддой, Мухаммадом и Моисеем, Конфуцием и Лао-цзы

В этой книге исследуются разные ответы, предлагаемые каждой из мировых религий на вопросы, которыми она задается. Цель книги – показать, как жизнь исповедующих ту или иную религию соответствует самым насущным из этих вопросов, и подсказать, как могла бы наша жизнь соответствовать этим вопросам, не в последнюю очередь обманчиво простому и при этом сложному: как стать человеком.

Глава 1

Ислам: путь подчинения

Намаз (с. 40) Пять столпов веры (с. 43) • Джихад (с. 46) • Аллах (с. 48) • Мухаммад (с. 50) • Коран (с. 53) • Шарият (с. 61) • Сунниты и шииты (с. 63) • Исламизм (с. 65) • Прогрессивные и умеренные мусульмане (с. 67) • Суфизм в трезвости и во хмелю (с. 70)

Большинство европейцев и североамериканцев никогда не встречались с мусульманами, поэтому для них ислам начинается в воображении, а конкретно – в том уголке воображения, где гнездится страх. Они смотрят на ислам сквозь завесу, наброшенную им на глаза много веков назад христианами-крестоносцами, стремившимися осудить ислам как религию насилия, ее основателя Мухаммада – как воина, а священную книгу Коран – как текст гнева. Буддизм ассоциируется с Далай-ламой и Нобелевской премией мира, которой он был удостоен, а ислам – с Усамой бен Ладеном и его боевым оружием. Ислам – это пакистанские женщины, пленницы черной паранджи, лидеры «Талибана», взрывающие в Афганистане древние статуи Будды, саудовские террористы, угоняющие самолеты и уничтожающие тысячи ни в чем не повинных людей во славу Бога и его девственников.

На протяжении веков ислам периодически становился навязчивой идеей Запада и не только в воображении. Мусульмане отняли у христиан Иерусалим в 637 году н. э., крестоносцы вновь завоевали его в 1099 году, Саладин захватил во славу ислама в 1187 году, а британцы вернули христианскому миру в 1917 году. Но в современное западное сознание ислам ворвался с возвышением аятоллы Хомейни во время исламской революции в Иране 1979 года и с захватом в Тегеране 52 сотрудников дипломатической службы США, которых продержали в плену 444 дня и освободили в 1981 году. После 11 сентября жаркие споры об исламе ведутся повсюду в мире. Какую роль сыграла исламская религиозность, как мотивировала террористов угнать четыре самолета и уничтожить почти три тысячи человек? Действительно ли ислам – религия террора? Участвуют ли христианство и ислам в настоящее время в конфликте цивилизаций? Или же мусульмане мирно сосуществуют с иудеями и христианами как отпрыски одной тройственной семьи религий?

Наше отношение к исламу определяется нашим коллективным невежеством. Мы не в состоянии считаться с этой религией потому, что почти ничего о ней не знаем

К сожалению, этот животрепещущий разговор редко выходит за рамки переборки, словно мячиком для пинг-понга, всем известными клише, разговор, в котором одна сторона утверждает, что ислам – религия мира, а другая – что

ислам является религией войны. Одна сторона игнорирует отрывки из Корана и исламские традиции, с помощью которых оправдывали войны против «неверных» (неверующих), в то время как другая игнорирует существующий в исламе запрет на убийство женщин, детей, гражданского населения и собратьев-мусульман (сотни которых погибли в башнях-близнецах 11 сентября). Причина этого игнорирования – наше коллективное невежество. Мы не в состоянии считаться с исламом потому, что почти ничего о нем не знаем. Тем не менее, когда моих соотечественников просили охарактеризовать ислам одним словом, их коллективное воображение неизменно рождало такие определения, как «фанатизм», «радикализм», «строгость», «насилие» и «терроризм»¹. В Германии, Испании и Великобритании большинство населения убеждено, что попытки быть набожным мусульманином и жить в современном обществе неизбежно сопровождаются фундаментальным конфликтом².

После 11 сентября была предпринята поспешная попытка переосмыслить иудео-христианскую традицию как иудео-христианско-мусульманскую. У ислама действительно много общего с его предшественниками. Иудеи, христиане и мусульмане – «люди Писания», верующие в единого Бога, который обращается к своему народу посредством пророков. Само выражение «люди Писания» заимствовано из ислама (Ахль аль-Китаб), где им названы иудеи и христиане как братья и сестры в Аллахе. У священных писаний этих трех ве-

ликих религий насчитывается много общих ключевых концепций. Чаще всего упоминаемые атрибуты мусульманской веры – вера в единого Бога, ангелы, писание, пророки, Судный день, судьба – характерны также для иудаизма и христианства. Иудейская Библия, христианская Библия и Коран объединены также патриархом Авраамом, который, согласно всем трем традициям, является основателем монотеизма.

Однако отношения между отпрысками в этом авраамическом семействе в лучшем случае неблагоприятны. В одном из канонических эпизодов своей жизни, в «ночном переносе» (или «ночном путешествии») из Мекки в Иерусалим, Мухаммад, по его утверждению, молился вместе с Авраамом, Моисеем и Иисусом. Но способны ли иудеи, христиане и мусульмане уживаться подобным образом? Или они обречены быть заклятыми врагами в кровопролитном конфликте цивилизаций? После 11 сентября президент Джордж Буш и британский премьер-министр Тони Блэр неоднократно называли ислам религией мира, но представитель христианского возрождения Фрэнклин Грэм утверждал, что ислам – «чрезвычайно злая и порочная религия», а телепроповедник Джерри Фолуэлл осуждал Мухаммада как «террориста»³. Мусульманские общины мира отреагировали на события 11 сентября, осуждая эти преступления как антиисламские, подчеркивали общность мусульман с иудеями и христианами, хотя исламские джихадисты заявляли, что иудеи и христиане – неверующие, заслуживающие смерти в этой

жизни и вечных мук в следующей.

События 11 сентября 2001 года свели разговоры об исламе к вопросам войны и террора. Но при любом обсуждении ислама следует помнить, что слово «ислам» родственно другому – «салям», то есть «мир». Мусульмане приветствуют друг друга словами «ассаляму алейкум» («мир вам») и отвечают на это приветствие «ва-алейкум ас-салям» («и вам мир»). Однако слово «ислам» означает «подчинение», «капитуляция». Следовательно, ислам – путь подчинения, а мусульмане – «подчиняющиеся», которые стремятся к миру в этой и в следующей жизни, вверяя себя единственному истинному Богу. Об этом свидетельствует в первую очередь то, что они падают ниц во время молитвы. «Ты падаешь ниц, или тебе не дает гордыня?» – спрашивает эта традиция. «Масджид», арабское название мечети, дословно означает «место преклонения». У тех, кто верен этому обычаю, появляются на лбу отметины, названные в Коране «следами от земных поклонов» (48:29)⁴.

Намаз

Пять раз в день, 365 дней в году, на протяжении *более* чем тысячи лет мусульмане внимают призыву на молитву, исходящему от мечетей и минаретов в больших и малых городах планеты. Этот призыв, азан, почти всегда звучит на арабском языке, так как, по мнению мусульман, именно на арабском Бог даровал свое последнее откровение, Коран, своему последнему пророку, Мухаммаду. В разных странах мусульманского мира азан слегка варьируется, в том числе и в течение дня. К примеру, до зари в нем звучит напоминание о том, что «молитва лучше сна». Вот азан в наиболее общем виде:

Аллах Превелик,

Аллах Превелик,

Аллах Превелик,

Аллах Превелик,

Свидетельствую, что нет Божества, кроме Аллаха

Свидетельствую, что нет Божества, кроме Аллаха

Свидетельствую также, что Мухаммад — посланник
Аллаха

Свидетельствую также, что Мухаммад — посланник
Аллаха

Спешите на молитву

Спешите на молитву

Спешите к процветанию¹
Спешите к процветанию
Аллах Превелик
Аллах Превелик
Нет Божества, кроме Аллаха

Свыше миллиарда человек, примерно одна пятая часть населения Земли, считают себя мусульманами, по численности приверженцев ислам уступает только христианству. Как и христианство, ислам обычно относят к западным религиям, он преобладает в таких ближневосточных странах, как Иран, Ирак и Афганистан. Однако большинство мусульман мира живет в Азии. В Индонезии больше мусульман (примерно 178 миллионов), чем в любой другой стране, в три раза больше, чем в

Саудовской Аравии, Афганистане и Ираке вместе взятых. Следующие за Индонезией места занимают еще три азиатские страны: Индия, Пакистан и Бангладеш. Из десяти стран с наибольшей долей мусульманского населения лишь две, Египет и Иран, относятся именно к Ближнему Востоку. Три (Нигерия, Алжир и Марокко) – африканские (как и Египет, разумеется). Оставшаяся страна, Турция, частично расположена в Азии, на Ближнем Востоке, и в Европе⁵. В центральноазиатских государствах – Азербайджане, Туркмени-

¹ Эту фразу в русскоязычных источниках часто переводят как «спешите к спасению». – *Прим. пер.*

стане, Узбекистане, Таджикистане и Кыргызстане (Киргизии) мусульмане составляют большинство. В Европе к странам с мусульманским большинством относятся Албания, Босния-Герцеговина и Косово и, кроме того, небольшие, но быстро растущие мусульманские общины есть повсюду в Европе и Северной Америке.

По некоторым оценкам, почти 20 % людей, которых ввозили в США в качестве рабов, были мусульманами, но ислам впервые стал заметным в стране благодаря организации «Нация ислама» (NOI), которая завербовала и политического активиста Малькольма Икс, и боксера Мухаммеда Али, добившись нетрадиционного сочетания негритянского национализма и ислама. После того, как в 1975 году умер Элайджа Мухаммад, возглавивший «Нацию ислама» после таинственного исчезновения ее основателя Уоллеса Д.Фарда в 1934 году, организация продолжала существовать во главе с сыном последнего, У.Д. Мухаммадом, двигаясь в сторону суннитского ислама основного направления. После того, как У.Д. Мухаммад распустил NOI, Луис Фаррахан воссоздал ее, тем не менее сегодня подавляющее большинство афроамериканских мусульман в США – представители суннизма основного направления, а не члены «Нации ислама».

Стремительный рост исламских общин в Европе вызвал ряд споров, касающихся свободы слова и обязательного ношения хиджаба мусульманками. Если во Франции хиджаб в государственных учебных заведениях запретили по причи-

не отделения церкви от государства, в Швеции его разрешили носить во имя свободы вероисповедания. Между тем отношения мусульман и немусульман становятся напряженными во многих европейских странах. Недавнее исследование показало, что большинство взрослого населения Нидерландов отрицательно относится к исламу. Согласно другому исследованию, большинство мусульман в Германии убеждены, что европейцы враждебно относятся к ним. Тем временем значительная часть мусульман и немусульман сообщает, что отношения между мусульманами и жителями Запада «в целом плохие»⁶.

Ислам представлен также в американской и европейской поп-культуре. Если буддистов в кино обычно изображают в позитивном ключе – вспомните «Кундун» и «Семь лет в Тибете», – то мусульманам почти всегда достается роль «плохих парней». Есть и положительные персонажи – шериф Али Омара Шарифа в «Лоуренсе Аравийском» и Азим Моргана Фримена в фильме «Робин Гуд: принц воров» – но в боевиках мусульман обычно изображают людьми, которые только совершают намаз и убивают, не обязательно в таком порядке⁷.

Я никогда не слышал азан в кинофильмах, зато слышал, как он звучит на четырех континентах. Но нигде он не удивлял меня так, как в Иерусалиме, где, как мне показалось, он звучит повсюду. Я слышал его, стоя у Стены Плача (Западной Стены). Я слышал его, находясь в храме Гроба Господ-

ня. Я слышал его, входя через Дамасские ворота в мусульманский квартал Старого города. И каждый раз я вспоминал, насколько близки западные монотеистические религии в одном из самых оспариваемых городов, как отчетливо и постоянно они слышат друг друга, и в какой степени ислам – религия, которую на протяжении веков распространяли устно, речами и звуками.

Если буддистов в кино обычно изображают в позитивном ключе, то мусульманам почти всегда достается роль «плохих парней»

На азан, который в наши дни передают по телевидению и интернету, мусульмане реагируют всевозможными способами. Одни игнорируют его. Другие следуют призыву под настроение. Но тот, кто соблюдает обряды, бросает готовить пищу, вести машину и работать и посвящает молитве время на рассвете, в полдень, в послеполуденное время, на закате и ночью. Готовясь к намазу, эти люди совершают омовение, очищаются от жизненной скверны, поворачиваются лицом к Мекке – священному городу ислама, склоняют головы, говорят о своем намерении совершить молитву и обещают молиться именем Аллаха и только его одного. После этого они начинают наполнять воздух священными звуками.

Древний танец молитвы мусульмане исполняют всем телом: встают, кланяются, простираются ниц, садятся. Их ладони перемещаются сначала за уши, потом к торсу. Они наклоняются вперед от пояса, положив руки на колени и держа

спину прямо. Потом снова встают. Они простираются в позе полного и абсолютного подчинения Аллаху, касаются земли коленями, ладонями, лбами и носами. Намаз продолжается, они чередуют позы сидя и простершись ниц на полу.

Нельзя продолжать эту молитву, сколько вздумается, фамиллярно и неофициально болтая с Богом, как делают евангелические протестанты. Мусульмане, разумеется, могут обращаться к Аллаху по своим причинам, своими словами и на родных языках. Но пять ежедневных молитв, саяят (произносимых вслух на рассвете, на закате и ночью, а также мысленно в полдень и после полудня), они повторяют на арабском именно так, как повторяли веками, начиная со слов «Аллаху Акбар» – «Бог велик». После этого поклоняющиеся говорят о благословенности и возвышенности Аллаха над всеми. Мухаммада называют его пророком и вестником, просят мира «праведным слугам Аллаха», воздают хвалу ангелам. Они просят Аллаха благословить «Мухаммада и народ Мухаммада», как Бог благословил «Авраама и народ Авраама».

После этого мусульмане читают самую распространенную из молитв ислама, мусульманский аналог «Отче наш», взятую из первой и наиболее известной суры, или главы, Корана, названной «Аль-Фатиха» («Открывающая Коран»):

Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного!
Хвала Аллаху, Господу миров,

Милостивому, Милосердному,

Властелину Дня воздаяния!

Тебе одному мы поклоняемся и Тебя одного молим о помощи.

Веди нас прямым путем,

путем тех, кого Ты благодетельствовал, не тех,
на кого пал гнев, и не заблудших. (1:1–7)

Пять столпов веры

В Женеве XVI века протестантский богослов Жан Кальвин сплел сложную теологическую паутину на двух простых нитях: абсолютном всевластии Бога и греховности человека. Подобно кальвинистам, мусульмане прилагают все старания, чтобы не смешивать Творца с сотворенными. Прославляя преклонение человека перед Аллахом, во многих случаях они называют себя «рабами» Всемогущего. Но в отличие от Кальвина, мусульмане не верят в первородный грех. От рождения каждый человек тянется к Богу и к благу. Поэтому к вопросу греха ислам не обращается. Не видит он и какой-либо необходимости в спасении от греха. В исламе проблемой считается самонадеянность, надменная уверенность в том, что можно обойтись и без Бога – единственного, кто самодостаточен. «Идол твоего «я», – пишет суфийский мистик Руми, – мать (всех) идолов»⁸. Замените этого идола подчинением Аллаху, и получите цель ислама: душу, «обретшую покой» (89:27) в этой жизни и в следующей, в раю.

Аллах требует от человечества не столько веры, сколько послушания

Коран неоднократно утверждает, что путь в рай вымощен верой и трудом – «тем, которые уверовали и совершали праведные деяния, уготованы Райские сады... великое преуспе-

ание» (85:11), однако ислам тяготеет к иудаизму и отдален от христианства, делая акцент на ортопраксии (верных действиях), а не на ортодоксии (верном учении). В данном случае метод, способный увести от самонадеянности в рай – «исповедуйте религию» (42:13). Вновь и вновь Коран говорит о «верующих» и «неверующих», словно вера и есть ключ от рая, тем не менее эти две группы различаются действиями: «Которые совершают намаз и расходуют из того, чем Мы их наделили, они являются истинно верующими» (8:3–4). Разумеется, ислам – «путь знания», эта тема десятки раз упоминается в Коране⁹. В нем есть фрагменты, которые как будто бы ставят веру превыше практических аспектов ее исповедания. «Благочестие состоит не в том, чтобы вы обращали свои лица на восток и запад, – гласит один из них. – Но благочестив тот, кто уверовал в Аллаха, в Последний день, в ангелов, в Писание, в пророков...» Однако после этого плавного, но краткого перехода к ортодоксии даже этот отрывок заканчивается обращением непосредственно к практическим моментам: «...кто раздавал имущество, несмотря на свою любовь к нему, родственникам, сиротам, бедным, путникам и просящим, расходовал его на освобождение рабов, совершал намаз, выплачивал закят» (2:177). Словом, Аллах требует от человечества не столько веры, сколько послушания. Да, есть единственный Бог, но верить в него легко, поскольку небо и земля непрестанно воспевают ему хвалу. Труднее подчиниться Богу. «Бедуины сказали: «Мы уверовали», – гласит

Коран. – Скажи: «Вы не уверовали. Посему говорите: «Мы покорились» (49:14).

В Европе и Северной Америке поклонники духовных исканий тратят много времени и сил на поиск практик, подходящих специально для их уникальной личности. Одних привлекает йога или медитация, других – тайцзицюань или песнопения. А в исламе основная практика – так называемые «пять столпов»¹⁰. Это метафора архитектурного характера, она ассоциируется со зданием, имеющим опоры по всем четырём углам и в центре.

Центральный столп, поддерживающий это сооружение, – шахада: «Свидетельствую, что нет Божества, кроме Аллаха, и еще свидетельствую, что Мухаммад – Посланник Аллаха». Это провозглашение веры повторяется в призыве на молитву и в самих ежедневных пяти молитвах. Для того чтобы стать мусульманином, достаточно свидетельствовать приверженность этому кредо, провозгласив вслух обе его истины с пониманием и намерением, в идеале – в присутствии свидетелей.

Четыре столпа, поддерживающих углы данного здания, – салят (молитва), закят (пожертвование), саум (пост) и хадж (паломничество). Каждый день мусульмане пять раз прерывают работу, чтобы помолиться, повернувшись в направлении Мекки. Они прекращают все дела, чтобы восславить Аллаха в мечети, дома, на рабочем месте. И у стоянок такси в лондонском аэропорту Хитроу, и в офисных зданиях в Ду-

бай можно увидеть, как мусульмане расстилают молитвенные коврики.

Для того чтобы стать мусульманином, достаточно вслух произнести шахаду

Кроме того, мусульмане обязаны делать пожертвования в пользу неимущих. В отличие от десятины, христианских пожертвований церкви, размер которых составляет 10 % доходов, размер закята зависит от имущества, и взимают его в пользу бедных. Как правило, мусульмане должны отдавать 2,5 % стоимости большинства видов имущества (за исключением личного – домов, машин и одежды), если оно превышает прожиточный минимум – нисаб.

Саум мусульмане соблюдают в месяц Рамадан, воздерживаясь от еды, питья, курения и секса с рассвета до заката. Это время должно быть посвящено чтению и слушанию Корана. Рамадан, знаменующий ниспослание Мухаммаду откровения, приходится на девятый месяц мусульманского года, но поскольку мусульмане пользуются не солнечным, а лунным календарем, даты Рамадана смещаются относительно григорианского календаря, которым пользуются на Западе.

Рамадан завершается праздником окончания поста Ид аль-Фитр (Ура-за-байрам), когда родственники собираются вместе, чтобы отведать угощение, помолиться, обменяться подарками. При Клинтоне в Белом доме организовали в 1996 году празднование Ид аль-Фитра, а первая в США почтовая марка с исламской тематикой, выпущенная всего за несколь-

ко дней до 11 сентября 2001 года, запечатлела и этот праздник, и Ид аль-Адха (Курбан-байрам) – празднование в честь готовности Ибрахима (для христиан и иудеев – Авраама) принести в жертву своего сына Исмаила (в христианских и иудейских писаниях – Исаака).

И наконец, при наличии физических и финансовых возможностей каждый мусульманин обязан раз в жизни совершить паломничество в Мекку. Хадж, который происходит каждый год в последние десять дней двенадцатого лунного месяца, доступен только мусульманам, которые после исполнения этой обязанности могут присовокупить к своему имени почетное дополнение «хаджи» («аль-хадж»). Хадж и прославляет, и скрепляет единство мусульман, – единство, которое символизирует одинаковая белая одежда, предназначенная для этого паломничества. Наиболее известный и чаще прочих появляющийся на фотографиях момент хаджа – молитва в святынище Каабы, главной святыне мусульманского мира. В каждой мечети есть михраб – ниша, которая указывает верующим, в какой стороне находится Мекка. В самой же Мекке все михрабы ориентированы на святынище Каабы. Мусульмане верят, что это святынище, содержащее черный камень, по-видимому, метеорит, было возведено Адамом и перестроено Авраамом. Его осквернили политеисты, правившие Меккой во времена юности Мухаммада. Но после того, как в 630 году н. э. Мухаммад и его последователи заняли Мекку, святынище было вновь освящено и пред-

назначено для единственного истинного Бога¹¹.

Джихад

Среди терминов, относящихся к мировым религиям, нет более спорного и неоднозначного, нежели джихад. Буквально слово «джихад» означает «борьба», и мусульмане традиционно относят его к двум видам борьбы: к духовной борьбе против гордыни и самонадеянности и к физической борьбе против «дома войны», а именно – против врагов ислама. Вторая разновидность этой борьбы подразумевает разнообразие тактики, в том числе проповедование, наставление, стремление к социальной справедливости. И также может означать войну.

Обращение к отрывкам Корана, которыми экстремисты оправдывают свои преступления, становится настоящим испытанием для мусульман

Некоторые апологеты ислама пытались приуменьшить значение джихада и отделить ислам от исламских экстремистов, утверждая, что из двух видов борьбы высшей является борьба духовная. Один мусульманский коммерсант, с которым я познакомился в Иерусалиме, развил эту мысль, заявив, что джихад не имеет абсолютно никакого отношения к войне, потому что джихад – не что иное как личное стремление быть хорошим. «Уважительное отношение – это джихад, – объяснял он, – а мошенничество – не джихад». В Коране, добавлял он, война вообще не упоминается.

На самом деле в Коране есть упоминания о войне, притом неоднократные.

В одном фрагменте Коран предписывает мусульманам «сражаться», «убивать» и «изгонять» в двух соседних фразах (2:190–191), а чуть дальше утверждает, что сражаться мусульманам «предписано... хотя это вам неприятно» (2:216). Вопрос о том, что лучше для религиозного текста – в целом игнорировать войну (по примеру христианского Нового Завета) или старательно регулировать ее (по примеру Корана) – остается открытым, однако важность темы сражений и убийств в Коране и мусульманском законе бесспорна. Так что если и некорректно переводить слово «джихад» как «священная война», общий смысл этой борьбы и в Коране, и в современной деятельности мусульман остается и духовным, и воинственным.

Нешуточной задачей для приверженцев любой религии становятся борьба с элементами их традиции, с помощью которых оправдывались злодеяния, и закрепление ассоциаций между этими элементами и благом. Многие христиане пренебрегают новозаветными отрывками, где в смерти Иисуса обвиняют иудеев. Но поскольку некоторые христиане обращаются к тем же отрывкам, чтобы оправдать ненависть по отношению к иудеям, гонения на них и убийства, возникает необходимость осторожно обращаться с этими словами, лишая их антисемитских коннотаций. Так и для мусульман испытанием становится обращение к отрывкам Корана, кото-

рыми экстремисты ранее оправдывали неправомерные убийства. Это испытание пытаются выдержать многие мусульмане. Террористам-смертникам они напоминают, что Коран однозначно осуждает самоубийство – «не убивайте самих себя» (4:29) и грозит адом тем, кто ослушается. Тем, кто убивает женщин и детей, указывают, что Коран осуждает массовые убийства (5:32) и настаивает на соразмерности действий (2:194). С VII века исламский закон активно и решительно встает на защиту прав гражданского населения¹².

Согласно недавним исследованиям, большинство мусульман Нигерии, Ливана и Турции отказываются признавать законность действий террористов-смертников, даже когда они действуют в защиту ислама. Увы, во всех этих странах существенное меньшинство (42 % в Нигерии, 34 % в Ливане и 16 % в Турции) убеждено, что теракты, совершенные смертниками, оправданны. На Палестинских территориях 70 % мусульман считают, что действия террористов-смертников соответствуют критериям законности и справедливости¹³.

Отмечая, как акцентируют внимание на джихаде исламские экстремисты и западные неоконсерваторы, можно подумать, что это одно из основных понятий ислама. Отнюдь. Как свидетельствует шахада, три ключевых слова исламской традиции – Аллах, Мухаммад, Коран. Чтобы увидеть мир таким, каким воспринимают его мусульмане, надо взглянуть на него через эти три призмы.

Аллах

«Аллах» – по-арабски «Бог», следовательно, арабоязычные мусульмане, равно как и арабоязычные христиане, называют бога Аллахом, что буквально означает «Бог» («аль-илях»). Определенный артикль «аль» указывает, что Бог один, и мусульмане подчеркивают его единственность словом «таухид» – «единобожие». Разумеется, и христиане монотеисты, но их монотеизм можно назвать «облегченным», поскольку единственный Бог предстает как Троица: Отец, Сын и Святой Дух. Исламский монотеизм строже. Подобно иудеям, мусульмане отвергают индуистскую и христианскую идею воплощения Бога в человеческом теле. Кроме того, мусульмане поддерживают иудеев в отказе от визуальных образов Бога на земле на том основании, что такие образы, которым не под силу запечатлеть божественную реальность, побуждают нас к идолопоклонничеству. Для мусульман Бог абсолютно и всецело

трансцендентен, он выходит за рамки всех представлений человека о нем. Поэтому если в западном искусстве до недавнего времени преобладал образ Христа, то центром исламского искусства оставалась каллиграфия, в частности, изображение арабских букв Корана.

Мусульмане поклоняются божеству, к которому неприменимы гендерные категории, – оно ни мужского,

ни женского пола

Имен Бога в Коране – легион. В Бисмилла (Басмала), фразе, которой начинаются все суры Корана, кроме одной (девятой), Аллах назван Милостивым и Милосердным. Повсюду в Коране Аллаха называют Прощающим, Великодушным, Любящим, Всесильным, Вечным,

Сведущим, Карающим и Справедливым. В одном отрывке говорится, что он – «Властелин, Святой, Пречистый, Оберегающий, Хранитель, Могущественный, Могучий, Гордый» (59:23). Мухаммад неоднократно повторял, что у Аллаха девяносто девять имен. Некоторые мусульманские мыслители делят этот список на фемининные «джалаль» (имена красоты) и маскулинные «джамаль» (имена величия). Но в отличие от многих христиан, относящих Бога к мужскому полу, мусульмане поклоняются божеству, к которому неприменимы гендерные категории, – оно ни мужского, ни женского пола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.